

Лу Цинъи лежала на земле, бледная и истощённая до неузнаваемости, её лоб был в крови, и её дыхание едва ощущалось.

Лу Миншу ошеломлённо опустилась на колени рядом с ней. Если бы она знала, что поиски родственника принесут такой исход, она бы никогда не привела сюда свою мать.

За эти полгода, пока менялось течение жизни, она давно отбросила былые мечты о воссоединении с семьёй, будучи крайне разочарованной таким отцом. Если бы не настояния матери, она бы и вовсе не стала признавать его отцом.

Завидев приближающегося Юй Вэнь Ши, Лу Миншу вздрогнула и проснулась. Вцепившись в его одежду, она подняла взгляд и взмолилась: "Дядя, умоляю, спаси мою маму. Мы больше не будем искать родственников. Как только ты спасешь мою мать, мы вернёмся в Дунъюэ".

Юй Вэнь Ши присел и попытался её успокоить: "Не волнуйся, сначала дай мне осмотреть её".

Он сначала осмотрел рану на лбу Лу Цинъи, поднял ей веки, а затем проверил пульс.

Когда Лу Миншу заметила, как он хмурит брови, она нервно схватила Хуэй-нян за руку.

Спустя мгновение Юй Вэнь Ши вздохнул: "Её жизненные силы иссякли".

Лу Миншу оцепенела и умоляюще посмотрела на него.

Когда Юй Вэнь Ши увидел, как она растеряна, его взгляд смягчился, несмотря на его намерение воспользоваться ситуацией. "Не печалься, жизнь и смерть — это всего лишь путь всех живых существ...", — но какой смысл говорить об этом семилетнему ребёнку? Боль утраты можно понять только на собственном опыте.

Хуэй-нян смотрела в пустоту, потом закрыла лицо и горько заплакала.

Её плач был скорбным, и разве могла Лу Миншу его не понять? Она внезапно обессилела, слёзы непрерывно текли по её лицу, когда она рухнула на землю.

Юй Вэнь Ши бросил взгляд в сторону Фу Шанцина, воспользовавшись моментом, чтобы сказать: "Кто вы такие? Зачем пытаетесь опорочить репутацию нашего главы секты? Даже если есть какие-то трудности, нельзя так безответственно бросаться словами".

Понимая, что Лу Цинъи истощена, ненависть Хуэй-нян к Фу Шанцину усилилась. Она сдерживая рыдания, крикнула в отчаянии: "Мы не бросаемся словами безответственно! Ваш глава секты, который является нашим мужем, раньше звался Фу Цзэ и родился в городе Цинфэн в Дунъюэ. Из-за того, что он с юных лет потерял родных и жил в нищете, подвергаясь

насмешкам соседей, наш старый господин часто заботился о нём из жалости. Позже, когда нашей госпоже пришла пора выходить замуж, Фу Цзэ восхитился ею и предложил стать членом её семьи. Изначально старый господин не разрешил этого, но благодаря настойчивости он женился и даже считался нашим старым господином как родной сын. Когда Фу Цзэ захотел найти хорошего учителя, чтобы заниматься боевыми искусствами, старый господин израсходовал все свои сбережения и продал половину полей семьи Лу на его дорожные расходы. Кто бы мог подумать, что, как только он уехал, он исчез навсегда. Полтора года назад в наш дом внезапно пришла женщина, которая вела себя совершенно бестактно и заявила, что пришла по приказу Фу Цзэ передать разводные бумаги. От ярости наш старый господин подавился кровью и умер. Нашу госпожу сразил смертельный недуг после столь тяжкого удара. Мы приехали в Сичуань только для того, чтобы найти родственника, потому что нашей госпоже было страшно, что госпожа останется без опоры".

Хуэй-нян вытирала слёзы, пытаясь сдержать рыдания. "Мы узнали только после того, как приехали, что Фу Цзэ женился во второй раз шесть лет назад. Вероятно, именно из-за этого госпожа лежит на смертном одре".

Эти слова были отчётливо слышны окружающим, превращаясь в оживлённое обсуждение. Большинство из них не могли поверить, что глава секты Нефритового дворца на самом деле такой человек, но, учитывая, что Хуэй-нян всхлипывает после каждого слова, это не могло быть полностью ложью.

"Неужели это правда?" — Юй Вэнь Ши изобразил удивление и посмотрел на Фу Шанцина.

Ранее Фу Шанцин не высказывался, потому что понимал, что это бесполезно. Присутствие Юйвэнь Ши означало, что ему придётся дать Хуэйнян высказаться. Однако он уже продумал контрмеры. Фу Шанцин вздохнул и обратился к Лу Циньби: «Мы были парой, поэтому нам нет нужды упоминать нашу благодарность и обиды прошлых дней. Люди смертны, так о чём тут говорить? Хуэйнян, скажи, чего хотела твоя госпожа. Ради нашей прошлой связи я обязательно исполню её желания».

Слушая его слова, будто он считает её бредни, но при этом снисходительно не спорит, Хуэйнян ощущала глубокую ненависть: «Фу Цзэ, почему ты не сказал, что знаешь нас раньше? Теперь прикидываешься хорошим человеком!»

«Хуэйнян, я не хочу больше спорить о прошлом. Мы всего лишь чужаки, даже при встрече, так зачем ты меня давишь?»

«Прекрати говорить красивые, но неискренние слова. Если ты ушёл, то так тому и быть, семья Лу прекрасно и без тебя живёт, но зачем ты отправил бумаги о разводе? Довёл старика до смерти, а госпожу — до болезни. Наша бедная мисс всего лишь семи лет отроду, но уже живёт в одиночестве и нищете...»

«Это ты должна прекратить говорить красивые, но неискренние слова». Девичий голос разнёсся откуда-то издали. Когда все повернулись, увидели роскошно одетую девушку лет десяти с ярким макияжем на изящном личике, производившем впечатление волшебного

создания.

Она была величественна, а когда подошла, показала какой-то лист бумаги: «Раз ты говоришь, что наш глава секты снова женился, будучи в браке, взгляни-ка, когда подписаны бумаги о разводе. Восемь лет назад, когда его выгнали из семьи Лу, вы уже расторгли отношения. Но ты посмела сейчас позорить репутацию нашего главы секты!» С этими словами она передала бумагу господину Ляньчжэню, сидевшему в инвалидной коляске. «Господин Ляньчжэнь, утружу вас посмотреть на дату — когда был подписан этот разводный документ?»

Перед ним лежали бумаги о разводе, и господин Ляньчжэнь, хотя и собирался отстраниться, вынужден был на них взглянуть: «Пятый год Сюаньпин, а сейчас идёт тринадцатый год Сюаньпин, значит, и правда восемь лет назад».

Раз господин Ляньчжэнь подтвердил, то дата на этом разводном документе могла считаться подлинной. Толпа зашушукалась.

Женщина хихикнула: «Ну как, ещё сочинять будешь?»

Хуэйнян была потрясена. Бумаги о разводе были отправлены только в феврале этого года, как они могли быть подписаны восемь лет назад? Неужели они предусмотрительно поставили более раннюю дату?

Женщина забрала бумаги о разводе и, повернувшись к толпе, произнесла: «Люди добрые, не слушайте бредни этой лживой особы. Как дочь предыдущего главы секты Чжоу Иньжу я знаю правду из первых уст. Глава секты действительно родом из города Цинфэн в Дунъюэ, но эта женщина говорит неправду. У той семьи в городе Цинфэн есть какое-то наследство и только одна дочь; старейшина Лу положил глаз на юного и перспективного главу секты и заставил его стать членом семьи Лу. Но позже, поняв, что такой мастер боевых искусств, как глава секты, только растратит его богатства и не принесёт никакой выгоды, он стал презирать его и потому они подписали бумаги о разводе и даже выгнали главу секты из дома без гроша в кармане. Он отправился в столицу Дунъюэ, где встретил моего отца и мою старшую сестру, а затем поступил в Нефритовый дворец. Кто знает, как они узнали, что глава секты изменился. Они решили уцепиться за него и приехали сюда. Понимая, что поплатились за свои прежние действия, они оклеветали его, чтобы заставить главу секты принять их. Какое злодейство!»

«Ерунда!» — взволнованно выкрикнула Хуэй Нянь, обильно обливаясь потом, но другая сторона выдумала целую историю, не оставив ей ни единого доказательства в опровержение.

Поскольку дело происходило в провинции Цзюлю, эта толпа, как граждане провинции Цзюлю, естественно, была склонна больше верить Чжоу Иньжу. Более того, у Хуэй Нянь были лишь пустые обещания, в то время как у Чжоу Иньжу были доказательства в виде документов о разводе.

Взгляд, который все бросали на Хуэй Нянь, уже был полон осуждения. Говорят, что люди Дунъюэ хитрые, и это оказалось правдой. Неудивительно, что Глава секты не хотел их признавать.

Фу Шанцин вздохнул: «Иньжу, все ошибаются, поэтому мы должны прощать, когда это возможно. Они тоже загнаны в угол».

Хуэй Нян не ожидала, что Фу Шанцин займёт позицию морального превосходства. Она с отвращением плюнула в него. «Фу Цзэ, ты проявляешь неблагодарность к благодетелю, а теперь ещё хочешь вылить на них ушат грязи. Рано или поздно ты заплатишься за свои поступки».

«Хуэй Нян...»

Когда Фу Шанцин хотел открыть рот, Лу Миншу воскликнула: «Мама!»

Лу Цинъи в данный момент получала внутреннюю силу Юй Вэнь Ши, и её последний свет засиял перед тем, как наступила смерть.

«Мама, как ты себя чувствуешь?»

Фу Шанцин опустился на колени и мягко спросил: «Цинъи, зачем ты это делаешь?»

Лу Цинъи не посмотрела на него, с трудом улыбнувшись Лу Миншу; она протянула руку к Хуэй Нян.

«Госпожа!» Глаза Хуэй Нян наполнились слезами, когда она взяла её за руку.

«Хуэй Нян, не говори больше», — слабо проговорила Лу Цинъи. — «Раз всё так, то о чём ещё говорить?»

«Но, госпожа, они...»

Лу Цинъи слегка покачала головой: «Хуэй Нян, хотя мы — госпожа и слуга, мы близки как сёстры. Теперь, когда я ухожу, я прошу тебя только об одном».

Хуэй Нян рыдала от горя: «Госпожа...»

«Единственное, с чем я не могу смириться, это Миншу. Она ещё слишком юна, поэтому я могу только попросить тебя позаботиться о ней, пока она не вырастет», — посмотрела она на Лу Миншу. — «Миншу, отныне Хуэй Нян будет твоей тётей. Ты должна обращаться с ней, как с матерью, понимаешь?»

Слёзы покатались из глаз Лу Миншу. Она обернулась и поклонилась Хуэй Нян. «Тётя Хуэй».

Хуэй Нянь обняла её, и её слёзы не прекращались.

Уголки губ Лу Цинъи приподнялись в тихой улыбке, и она медленно обернулась, чтобы посмотреть на Фу Шанцина.

Этот человек стал гораздо более зрелым, чем когда он ушёл; следы его бедственного положения, испорченные потерей драгоценных юношеских лет, больше не были видны на его лице. С его внушительным величественным видом он излучал поведение настоящего Главы секты.

«Фу Цзэ».

«Цинъи». Фу Шанцин хотел взять её за руку, но она отдернула её.

В критический момент Лу Цинъи спокойно посмотрела на этого человека. «Я знаю, что ты уже отличаешься от того, кем был в прошлом, но как бы ты ни ненавидел меня и ни винил, Лу Миншу — твой ребёнок. Если ты ещё помнишь наши прошлые чувства, дай им выход».

«Это естественно. Когда я когда-либо отвергал твои просьбы?»

Лу Цинъи холодно усмехнулась, отвернувшись. Последний взгляд она бросила на лицо своей дочери.

Она мягко улыбнулась, но в её глазах была тоска.

Её сознание постепенно затуманилось...

«Мадам-»

«Мама-»

<http://tl.rulate.ru/book/10003/4000808>